

Л.Л. Кругликов, И.Н. Горячев

Кругликов Лев Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;

Горячев Илья Николаевич — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

О естественных презумпциях в праве¹

Термин «презумпция» чаще всего трактуется применительно к праву. В юридической науке, однако, большинство исследований замкнуто только на презумпциях, используемых в праве, и ограничено рамками юридической лексики, что, по нашему мнению, мешает прийти к полноценному пониманию рассматриваемого феномена.

В теории права в зависимости от способа закрепления презумпции по общему правилу делят на естественные (фактические) и законные (юридические), что не может не вызвать определенные сомнения. И не случайно отдельные правоведы возражают против приведенной классификации, отмечая, что оба названных вида презумпций имеют «одинаковую правовую и логическую природу»² и вообще «никаких естественных презумпций как правил, которыми руководствуется суд при установлении фактических обстоятельств дела, не существует»³.

Но существует и иное мнение — фактические презумпции составляют предположения, которые «судьи делают по своему внутреннему убеждению, выводя на основании своего жизненного опыта заключение о сути того или иного факта в соответствии с обстоятельствами данного дела»⁴, что такие презумпции в законе четко не выражены и тем не менее применяются в сфере права⁵. В качестве примеров фигурируют презумпции: необратимого распада брака или используемое в гражданском судопроизводстве предположение «молчание — знак согласия»⁶; истинности показаний лица, данных в ходе судебного разбирательства, по отношению к показаниям, данным им же в ходе следствия⁷, и др. Естественные (фактические) и законные (юридические) презумпции имеют свои особенности, и они сказываются в правоприменительной деятельности⁸.

Трудно не согласиться с этим мнением: хотя фактические презумпции не обязательны для правоприменительного органа, но они сложились в результате правоприменительной деятельности и находят использование на практике⁹. Верно и другое заключение: поскольку фактические презумптивные предположения не обладают юридическим признаком, не закреплены в статьях закона, «отпадает всякое основание для объединения этих презумпций с теми, сила которых предусмотрена законом»¹⁰.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что двучленное деление носит во многом условный характер, что выражается, в частности, в том, что отдельные фактические презумпции в процессе своей эволюции находят в конечном счете прямое или косвенное закрепление в законе, приобретая после этого статус законной (юридической) презумпции. Возможен и противоположный вариант.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ.

² Воложанин В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: Дис... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1953. — С. 113.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. — М., 1966. — С. 425.

⁴ Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. — М., 1954. — С. 187.

⁵ См.: Мейер Д. О юридических вымыслах и предположениях: О скрытых и притворных действиях. — Казань, 1854. — С. 52—53; Коржаков И. Доказывание по делам о расторжении брака // Российская юстиция. — 1997. — № 10. — С. 46.

⁶ См.: Зайцев И. Бесспорные обстоятельства в гражданских делах / И. Зайцев, С. Афанасьев // Российская юстиция. — 1998. — № 3. — С. 28.

⁷ См.: Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. — М.; Л., 1947. — С. 189; Шейфер С.А. Основания оправдания в суде / С.А. Шейфер, В.А. Лазарева // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. — Самара, 1990. — С. 152.

⁸ См., например: Васильев Л.М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. — 1981. — № 1. — С. 99; Дернбург Г. Пандекты. — М., 1906. — Т. 1: Общая часть. — С. 133; Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. — М., 1954. — С. 187; Оршанский Н.Г. Исследование по римскому праву. — СПб., 1892.

⁹ См. об этом: Васильев Л.М. Профессиональная деформация следователя как логико-гносеологическая категория в процессе презюмирования // Проблемы охраны прав в сфере борьбы с преступностью. — Иваново, 1980.

¹⁰ Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. — М.; Л., 1948. — С. 55.

Исследуя различные категории, обозначаемые термином «презумпция» в естественных науках, праве, истории, психологии, философии, математике, лингвистике, обыденной жизни, следует прийти к выводу, что все они являются познавательными конструкциями¹. Подобным конструкциям, как правило, соответствует типичный логико-лексический прием, или типичная познавательная схема, оперирующая вероятностными суждениями и их связками. Мы назвали эту когнитивную схему **приемом презюмирования**.

Суть приема презюмирования состоит в выведении проверяемых следствий из вероятностного основания (суждения или закономерности), которое не подлежит проверке в рамках проверки следствий. С практической точки зрения презумпции всегда рассматриваются в качестве самоочевидных построений — в любой сфере использования слово «презюмируется» на уровне общеупотребительной речи понимается как «очевидно», «само собой разумеется», «принято» и т. п. Самоочевидный характер конструкций, именуемых презумпциями, обеспечен «неприкосновенностью» их основания. В каждом конкретном случае выдвижения суждения-следствия происходит проверка только его истинности, и опровержением следствий допустимость использования приема в целом не оспаривается. Таким образом, презюмирование на одном основании, как правило, может применяться, а следствия опровергаться, — неоднократно.

Инструментальная ценность приема презюмирования сводится к определению «точки отсчета» или фиксации «шага» познания. Мы рассматриваем прием презюмирования в качестве типичного средства установления определенности знания. В этом качестве логико-лексический прием презюмирования и основанные на нем вероятностные конструкции (презумпции в широком смысле) употребляются повсеместно. Приведем несколько примеров².

Вопрос о презумпциях актуален для психологии и психиатрии. Понятие презумпции психического здоровья, например, было введено в судебную психиатрию еще в 1843 году — в Англии в связи с рассмотрением дела M'Naghten, который страдал бредом преследования и пытался совершить преднамеренное убийство. При формулировке «правила M'Naghten» четырнадцать из пятнадцати судей согласились, что «каждый человек презюмируется психически здоровым и владеющим в достаточной степени рассудком, чтобы быть ответственным за свое преступление, пока противоположное не будет удовлетворительно доказано»³.

Презумпции используются в исторических науках. В общей истории активно эксплуатируется, например, презумпция историчности, которая состоит, главным образом, в предположении о том, что описания взаимоотношений между персонажами памятников письменности, легенд и преданий носят соответствующий эпохе реальный характер, пока не доказана их символическая, метафорическая или мифическая природа. Родственная презумпция весьма распространена и в такой специфической области научного знания, как теология, где она играет важнейшую роль в толковании священных текстов⁴.

Стоит оговориться, что применение конкретных презумпций зависит от концепции исследования и принятых в данной науке условностей. Поэтому ведущие презумпции и их толкование в рамках различных школ и направлений науки могут отличаться вплоть до прямо противоположных.

Несмотря на широту и последствия применения, в рамках соответствующих сфер научного знания презумпции, как правило, эксплицитно не формулируются и не исследуются, относясь к сфере очевидного. Презумпции изучаются, в частности, в праве, а также в математике и лингвистике.

В математических дисциплинах изучение презумпций представлено разработками теорем Геделя о неполноте дедуктивных систем и теоремы Тарского о невыразимости истины⁵. Понимание влияния

¹ Горячев И.Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: Дис... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2010. — С. 20.

² Более подробно см.: Горячев И.Н. Презюмирование как универсальный логико-лексический прием и естественная презумпция как типичная познавательная категория // Вестник государственного университета им. П.Г. Демидова. — Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 3.

³ Цит. по: Первомайский В.Б. Презумпции в психиатрии // Судебно-психиатрическая экспертиза: Статьи (1989—1999 гг.). — Киев, 2001. — С. 107. Понятие презумпций, в том числе презумпции психического здоровья, было известно психиатрии дореволюционной России. Так, к примеру, В.Х. Кандинский говорил о невозможности изначального предположения о наличии душевной болезни, «потому что... здоровье есть правило, а болезнь — исключение» (Первомайский В.Б. Презумпции в психиатрии // Судебно-психиатрическая экспертиза: Статьи (1989—1999 гг.). — Киев, 2001. — С. 107).

⁴ См., например: Алатова И. Герменевтика синодального перевода библии. — М., 2006. — С. 67—90. В рамках философского осмысления религиозных памятников, научного изучения религиозных доктрин о сущности и бытии Бога также применяется, например, презумпция логоцентризма, «предполагающая наличие глубинного имманентного (исходного) смысла в феноменах бытия» (Алатова И. Герменевтика синодального перевода библии. — М., 2006. — С. 23).

⁵ Более подробно см., например: Смирнова Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики. — М., 1999; Успенский В.А. Теорема Геделя о неполноте. — М., 1982; Кордонский М.В. Конец истины. — М., 2003; Катречко С.Л. Теоретико-множественная парадигма современной математики и ее возможные альтернативы. — М., 2001; Хинтиikka Я. Истина после Тарского. — М., 2005; Хинтиikka Я. Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. — 1996. — № 9. — С. 46—58.

презумпций на результаты познания отражено в математике также так называемой презумпцией истинности математического выражения (иногда ее называют презумпцией «невиновности» математического выражения), суть которой состоит в том, что математическое описание признается достоверным, пока не доказана его порочность или не найдено более простое решение¹.

В лингвистике презумпции рассматриваются в качестве исходных предположений лингвистического исследования, не требующих доказательств в силу высокой правдоподобности базисных представлений о природе объекта, конечных целях его описания и типе исследовательских методов. Например, к презумпциям структурной лингвистики относятся предположения о системной организации языка, реляционном определении языковых единиц как пучков отношений каждой единицы со всеми другими единицами, произвольности языкового знака². К презумпциям порождающей грамматики относятся предположения о врожденности языка, автономности синтаксиса, наличии глубинного и поверхностного синтаксиса и др.³

Термин «презумпция» применяется в лингвистике также для обозначения феномена иного уровня — пресуппозиции (от лат. *prae* — впереди, перед и *suppositio* — подкладывание, заклад)⁴. Понятие пресуппозиции возникло в философской логике, где оно обозначает семантический компонент суждения, который должен быть истинным, чтобы суждение (в конкретном контексте) было либо истинным, либо ложным. При отсутствии пресуппозиции с истинным значением суждение становится либо неуместным (в конкретном контексте), либо вообще семантически аномальным. В лингвистике пресуппозиция также выполняет функцию необходимого семантического компонента, обеспечивающего наличие смысла в утверждении. Например, пресуппозицией утверждения «вы нарушили запрет, который известен всем» является утверждение «все знают этот запрет». Стоит обратить внимание на то, что основание пресуппозиции в самом утверждении не рассматривается: «Пресуппозиция — это высказывание, которое нет необходимости утверждать, так как оно ранее было утверждено и потому сообщается как само собой разумеющееся»⁵. Поэтому главным свойством пресуппозиций является то, что они не подвергаются отрицанию в собственно отрицательных утверждениях. Например, утверждения «вы нарушили запрет, который известен всем» и «вы не нарушили запрет, который известен всем» содержат одну и ту же пресуппозицию «запрет знают все», которая не проверяется и сохраняет свою истинность, независимо от значения истинности «вывода».

Исходя из того, что прием презюмирования применяется во многих сферах общественного знания, а логико-лексическая структура некоторых типичных презумптивных положений в практически неизменном виде существует в течение тысячелетий, мы полагаем возможным рассматривать презюмирование в качестве свойственного человеческому мышлению и психически обусловленного феномена. Понимание презюмирования как элементарного средства установления «шага» познания соответствует фундаментальному когнитивному принципу А.Н. Колмогорова⁶.

Логико-лексический прием презюмирования является единым средством построения категорий (презумпций в широком смысле) различной формы, семантического уровня и фактической модальности. Однако среди всех вероятностных конструкций, строящихся на основании этого общего приема, можно выделить модель естественной (общелогической) презумпции как устойчивой автономной формы и характерного вида предположения.

На основании исследования оснований и последствий использования приема презюмирования в математике, лингвистике, философии, праве и иных отраслях научного знания мы попытались выявить совокупность признаков естественной (общелогической) презумпции, общих для различных областей ее обращения. По нашему мнению, основными критериями выделения естественных презумпций служат: **устойчивость**, выражающаяся в возможности неоднократного использования и неоднократной проверки; достаточная **обоснованность**, обеспечивающая высокую вероятность истинности предполагаемых в каждом частном случае следствий. В каждом конкретном случае выдвижения презумптивного суждения-следствия происходит проверка только его истинности, но не оснований презумпции, поэтому только следствие имеет модальность и отдельными случаями опровержения допустимость использования в целом презумпции не оспаривается. Впрочем, совокупность знаний о фактах преодоления конкретной презумпции со временем может установить новые связи между ее основанием и следствием. Отсюда: естественная (общелогическая) презумпция должна быть рассчитана на заранее неопределенное количество фактов, а основание естественной презумпции должна

¹ См., например: Акимов О.Е. Дискретная математика: логика, группы, графы, фракталы. — М., 2005.

² См., например: Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учебное пособие. — М., 1998.

³ См. там же; также: Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М., 2001.

⁴ См., например: Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — Вып. 8. — С. 337—353.

⁵ Падучева Е.А. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. — М., 1977. — Вып. 8. — С. 91.

⁶ См., например: Лившиц В.М. К истории изучения волн обучения // Вопросы психологии. — 2006. — № 6. — С. 160—162.

составлять достаточно обоснованная закономерность, распространяемая на достаточно многочисленный класс явлений.

Естественная (общелогическая) презумпция — это достаточно обоснованное вероятностное суждение (предположение) об истинности элементов некоторого достаточно многочисленного класса, рассчитанное на заранее не определенное количество элементов этого класса и, как следствие этого, допускающее возможность неоднократного использования и неоднократного опровержения¹.

Структура любой общелогической презумпции, по нашему представлению, складывается из трех общих пластов, соответствующих условиям установления предположения, его применения и опровержения.

1. Первый пласт — *основание презумпции*. Ввиду того, что естественные презумпции, как специфический тип предположений, рассчитаны на длительное действие относительно достаточно многочисленного класса явлений, их основание представляют достаточно обоснованные² статистические, или вероятностные³, закономерности. Вероятностные закономерности — это закономерности, срабатывающие в определенном соотношении случаев и допускающие индивидуальные отклонения⁴. Образуясь, они устанавливают необходимость как форму проявления случайности. Вероятностную закономерность, выражаемую презумпцией, можно условно представить так: «Если $A(x)$ есть истина, то, вероятно, $P(x)$ есть истина».

2. На основе соответствующей закономерности формируется второй пласт — собственно *предположение*. Это предположение представляет собой умозаключение из выявленной закономерности. Подчеркнем, что умозаключение может выражать соответствующую закономерность различными способами, в том числе отражать ее прямо, зеркально или выводить из нее обоснованные следствия. Кроме того, отдельные презумпции, особенно семантически претендующие на роль аксиом, могут содержать многоступенчатую цепочку таких умозаключений. Поскольку презумпция должна отражать суждение высокой степени вероятности, рассчитанное на неоднократное применение, наивысшее умозаключение, выражаемое презумпцией, должно содержать закономерно истинный вероятностный вывод. С учетом сказанного второй пласт презумпции может быть упрощенно представлен так: «Если A есть истина и не доказано, что P есть ложь, то P есть истина», — принимается, что истинность антецедента достаточна для признания истинным консеквента⁵.

3. Третий пласт составляет *презумптивный вывод*, то есть суждение, выдвигаемое в каждом частном случае использования презумпции. Если установлена истинность отправного факта, то высказывается суждение об истинности презюмируемого факта. Если не доказано, что « P есть ложь», то принимается, что « P есть истина». Если доказывается: « P есть ложь», то презумпция опровергается.

По большому счету общелогические презумпции являются средством выражения конкретных вероятностных закономерностей или, точнее, умозаключений, на них основанных. В основе формирования закономерностей, выражаемых большинством презумпций, лежит неполная индукция — закономерности такого рода устанавливаются посредством многократного эмпирического подтверждения связи между соответствующими фактами⁶. Поэтому презумпции, как правило, характеризует длительный жизненный период формирования, функционирования, отмирания или замены. Само по себе длительное существование презумпций работает на непререкаемость их авторитета. В свою очередь продолжительное и частое оспаривание презумпций, основанных на индуктивно выстроенных статистических законах, может ставить под сомнение эти закономерности и логические цепочки, выражаемые презумпциями. Устаревание выражаемых закономерностей и их следствий превращает презумпции в фиктивные конструкции и может привести к отказу от их использования либо к замене иными презумпциями.

На основании анализа презумпций в различных сферах человеческой жизнедеятельности мы можем утверждать, что таковые далеко не всегда имеют прямую индуктивную природу и прямое эмпирическое обоснование. Мы полагаем, что основание презумпции может обеспечивать любая вероятностная закономерность, достаточно обоснованная математически.

¹ Горячев И.Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: Дис... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2010. — С. 25.

² См., например: Кругликов Л.Л. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления) / Л.Л. Кругликов, Ю.Г. Зуев. — Ярославль, 2000. — С. 19.

³ См. там же. — С. 10—11.

⁴ См., например: Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных (Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками). — М., 2000. — С. 32.

⁵ См., например: Кириллов В.И. Логика: Учебник для юридических вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. — М., 2003. — С. 82.

⁶ См. там же. — С. 131; Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. — Новосибирск, 1980. — С. 172; Шутин Я.Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. — М., 1963. — С. 84; Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. — Горький, 1974. — С. 10; Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. — М.; Л., 1948. — С. 50; Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Казань, 2000. — С. 12—13.

Например, в основе действия общелогической презумпции *добропорядочности* (иногда ее называют презумпцией *невинности*) людей, частными проявлениями которой служат, например, презумпция *невинности*¹ или сформулированная в определении Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 года № 138-О презумпция *добросовестности налогоплательщика*² (впоследствии частично упраздненная определением Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 года № 169-О³), лежит не индуктивное подтверждение невинности большинства лиц, привлекаемых к ответственности за нарушение действующих норм. Не раз отмечено, что в отношении, например, презумпции невинности статистические данные должны опровергать такой подход⁴.

Как мы утверждаем, в основе действия общелогической презумпции *добропорядочности* лежит простое статистическое правило. Данная презумпция всегда применяется к отдельно взятому нарушению и конкретному нарушителю определенной нормы. Каждое нарушение соответствующей нормы поведения может быть совершено заранее ограниченным количеством лиц (одним лицом или группой), составляющим лишь незначительную часть всех людей, на которых распространяют свое действие соответствующие системы правил. *Вероятность совершения конкретного нарушения каждым конкретным лицом составляет, соответственно, ничтожно малую величину — помимо ограниченной группы лиц или одного лица, совершившего деяние, все прочие адресаты соответствующих правил поведения невиновны (добропорядочны)*⁵. В конечном счете нарушение может иметь место только в том случае, когда существует норма — то есть по самому своему определению то, что поддерживается и исполняется большинством.

В части, касающейся действия юридических презумпций, дело обстоит несколько сложнее, поскольку само право исходит из ряда предположений — как минимум, презумпции действительности (истинности) и стабильности нормативных актов, а также презумпции знания закона. Кроме того, право располагает дополнительными, помимо эмпирической обоснованности, критериями истинности, как то: общественная польза, целесообразность, конвенциональность и авторитет. Тем не менее, при рассмотрении тех или иных презумпций, применяемых в праве, можно легко обнаружить их статистические корни.

Так, например, в основе презумпции невинности в уголовном праве и уголовном процессе лежит не столько гуманистический подход, сколько здравый расчет вероятностей. С одной стороны, презумпция невинности покоится на вышеприведенном статистическом правиле *добропорядочности*: любое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, с точки зрения математики вероятностей — это «иглолка в стоге сена».

С другой стороны, презумпция невинности *de jure* начинает действовать со стадии выдвижения того или иного объема обвинения, в то время как досудебные органы выполняют работу по розыску преступников и получению доказательств их вины, предположительно уменьшая вероятность предания суду непричастных и невинных.

Однако виновность лица и наличие признаков той или иной формы вины, установленных уголовным законом, даже у лица или лиц, совершивших конкретное общественно опасное деяние, устанавливается только судом и, в свою очередь, также измеряется вероятностью.

Наконец, мера выражения уголовным законом истинного содержания вины и в комплексе с другими актами — опасности конкретного деяния (косвенно регламентированная в ст. 9, 10 УК РФ презумпция истинности уголовного закона), а также степень соответствия не вступившего и степень соотвественствия вступившего в законную силу судебных актов нормам права или обстоятельствам действительности есть вероятностные характеристики.

Таким образом, и до того момента, когда вступит в силу приговор суда, и после вступления в силу приговора, выражающего предположительное суждение о вине конкретных лиц в совершении преступления, виновность каждого обвиняемого составляет закономерную вероятностную величину. Если допустить, что до момента вступления в силу приговора суда презумпция невинности не применяется или действует противоположный правовой принцип, то нарушается основание презумпции — виновным статистически не может быть признан любой и каждый человек среди всех адресатов уголовного закона.

¹ См., например: Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве: Дис... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2000. — С. 94.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 года № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 года № 169-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Пром Лайн» на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 2 статьи 171 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

⁴ Кругликов Л.Л. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления) / Л.Л. Кругликов, Ю.Г. Зуев. — Ярославль, 2000. — С. 50.

⁵ Горячев И.Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: Дис... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2010. — С. 29.

После вступления судебного решения в силу презумпция невиновности по общему правилу не действует. В противном случае нарушался бы высоко вероятностный характер истинности действующего закона и правосудности вступившего в силу судебного приговора¹. Мы полагаем, что до момента вынесения приговора судом действует *общелогическая* презумпция истинности (правосудности) приговора, выражающая меру истинности (правосудности) не отдельного судебного акта, а всего правоприменения в целом. Говоря простым языком, необходимость в судебной деятельности может существовать только в случае признания высокой вероятности *правосудия*. После вынесения приговора согласно нормам УПК РФ бремя его обжалования возлагается на инициатора проверки. Таким образом, в соответствии с нормами российского уголовно-процессуального законодательства с того момента, как приговор постановлен, *в части, не противоречащей презумпции невиновности*, начинает действовать также *юридическая* (подлежащая оспариванию в рамках установленной процедуры) *презумпция истинности (правосудности) судебного приговора* (косвенно закрепленная также в ст. 70, 73 УК РФ²). В этом смысле мы расходимся во мнениях и с теми процессуалистами, которые указывают на момент вступления приговора в силу как на начало действия презумпции истинности (правосудности) приговора³ (по нашему мнению, после вступления в силу судебного акта рассматриваемая презумпция становится лишь более жесткой, поскольку оказывается вне ограничений, задаваемых презумпцией невиновности), и с теми, кто распространяет действие данной презумпции только на период, предшествующий вступлению приговора в законную силу⁴.

Как видим, границы действия юридической презумпции невиновности подвластны расчету вероятностей. Статистическое обобщение данных о преобладании обвинительных приговоров никоим образом не указывает на обоснованность презумпции невиновности и может быть объяснено, например, прекращением большинства дел на досудебных стадиях, качественной работой предварительного следствия и дознания либо, напротив, большим количеством правотворческих и судебных ошибок и т. д. и т. п. Вообще говоря, измерение именно количества приговоров относится скорее к предположению истинности судебного приговора и к презумпции истинности закона. Более точным, хотя и косвенным показателем действительности презумпции невиновности может служить обобщение данных о соотношении количества лиц, в отношении которых был вынесен и вступил в силу обвинительный приговор суда, к числу лиц, подозревавшихся в совершении данных преступлений.

Выдвижение и применение презумпций имеет дедуктивную природу — обобщенный презумптивный вывод распространяется на частные случаи. Презумпции обладают особой инструментальной ценностью ввиду возможности многократного применения и опровержения⁵; как следствие этого — действие презумпций ориентировано на наиболее распространенные (типичные) жизненные ситуации⁶. По большому счету, любая презумпция работает на стадии количественного подтверждения знания о соответствующем классе явлений⁷.

Мы рассматриваем прием презюмирования в качестве типичного средства установления определенности знания, а общелогическую презумпцию — в качестве основанного на этом приеме интердисциплинарного вида предположения, рассчитанного на неоднократное применение и опровержение. В зависимости от области приложения специфическая структура естественного презумптивного положения не изменяется, а наполняется конкретным содержанием. Вместе с тем, вставая на уровень того или иного элемента в соответствующей системе знаний, испытывая влияние соответствующих интерпретаций и «обрастая» содержательно близкими отраслевыми явлениями, типичные презумпции со временем могут видоизменяться внутри данных систем вплоть до полной потери своего первоначального содержания. Кроме того, презумптивная природа положения зачастую скрывается за его семантической неопределенностью и ролью внутри системы познания.

В этом плане заслуживает внимания высказанная в теории права идея, посвященная рассмотрению динамического аспекта взаимодействия презумпции, аксиомы и фикции. Относительно этих

¹ Р.Н. Ласточкина также отмечает связь презумпции невиновности и презумпции истинности (правосудности) судебного приговора, определяя момент перехода от использования первой к использованию второй (см.: *Ласточкина Р.Н. Презумпции в судебном контроле при проверке правосудности приговора // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России: Сборник научных статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. — Ярославль, 2005. — С. 73—80*).

² Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве: Дис... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2000. — С. 118—119.

³ См., например: *Алиев Т.Т. Принцип презумпции приговора, вступившего в законную силу / Т.Т. Алиев, В.О. Белоносов, Н.А. Громов // Российский судья. — 2003. — № 7. — С. 18—24*.

⁴ См., например: *Дрягин М.А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2004. — С. 21*.

⁵ См., например: *Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому процессу. — Л., 1955. — С. 126*.

⁶ *Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. — М.; Л., 1948. — С. 3*.

⁷ См., например: *Кругликов Л.Л. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления) / Л.Л. Кругликов, Ю.Г. Зуев. — Ярославль, 2000. — С. 13, 22—24, 26*.

используемых в уголовном праве небезосновательно указывается, что «...можно вести речь о них как об *относительно* самостоятельных явлениях, элементах, составляющих в своей совокупности определенную *систему* средств законодательной техники, а отсюда — способных заменять друг друга... Аксиомы, презумпции и фикции в одном случае могут соседствовать в институтах и нормах уголовного права и использоваться параллельно, одновременно, а в ином случае приходиться на замену друг другу»¹.

Вопрос о соотношении презумпции с прочими общеупотребительными типами предположений в динамике заслуживает весьма пристального рассмотрения. Однако разграничение этих категорий целесообразнее проводить в статическом состоянии. В результате анализа различных отраслевых и общеупотребительных конструкций, подразумеваемых под термином «презумпция», мы установили, что некоторые из них с учетом роли в соответствующей области знаний являются аксиомами, значительная часть — фикциями, отдельные объекты нашего исследования вообще не имели вероятностной природы. В юриспруденции, к примеру, к презумпциям очень часто ошибочно относят те или иные правовые принципы, нормы, фикции².

Для иллюстрации этого вывода рассмотрим положения, закрепленные в статье 20 УК РФ «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность». По мнению некоторых ученых, в частях 1 и 2 названной статьи нашла свое воплощение юридическая презумпция о непонимании малолетним общественной опасности своих действий³. Позволим себе с этим не согласиться.

По нашему мнению, юридическая презумпция — это общелогическая презумпция, получившая прямое или косвенное юридическое закрепление⁴. Образно говоря, юридическая презумпция потому и называется юридической, что она имеет правовое выражение, но юридическая презумпция только тогда остается презумпцией, когда ее текстуальное выражение, а также образ применения обеспечивают сохранение структуры презумпции и содержания выражаемой вероятностной закономерности⁵.

Возвращаясь к нашему примеру, лицо подлежит уголовной ответственности на основании того, что оно способно отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими — это общая философская предпосылка уголовной ответственности⁶. Закон исключает уголовную ответственность лиц, не достигших установленного возраста, во всяком случае — независимо от наличия доказательств того, понимали ли они природу своего поведения. Поэтому с точки зрения теории права указанные положения уголовного закона не могут выражать *юридическую презумпцию*. Части 1, 2 статьи 20 УК РФ — это нормы права (близкие к фикциям в силу невозможности опровержения при неоднозначности их фактической модальности — некоторые лица способны понимать природу своих действий и руководить ими в более раннем возрасте), фиксирующие определенный законодателем минимальный возраст субъекта преступления и частично характеризующие тем самым общие условия и основание уголовной ответственности.

По мнению К.К. Панько, данные нормы устанавливают фикцию неосознания общественной опасности, поскольку законодатель производит подмену понятия духовной незрелости четко определяемым понятием возраста субъекта⁷. Действительно, в различные исторические эпохи и в разных государствах вопрос о минимальных возрастных границах субъекта преступления решался и до сих пор

¹ Кругликов Л.Л. Аксиомы, презумпции и фикции в уголовном праве: динамический аспект // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000—2009). — Ярославль, 2010. — С. 208.

² Относительно выявления истинной природы некоторых правовых «презумпций» см., например: Тарусина Н.Н. Заметки о приобщении к презумпции презумптивного // Проблемы защиты субъективных гражданских прав: Сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бутнева. — Ярославль, 2009. — Вып. 10. — С. 22—25, 27—29.

³ См., например: Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. — М., 1969. — С. 86, 116; Борзенков Г.Н. Субъект преступления // Курс уголовного права / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М., 1999. — Т. 1: Учение о преступлении. — С. 268; Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. — Горький, 1974. — С. 47.

⁴ Заслуживает внимания высказанное в правовой литературе мнение о том, что весь механизм от становления правовой презумпции до ее применения в частном случае может быть представлен как процесс экспериментального моделирования. Такое понимание, по мнению авторов данной концепции, помогает уяснить роль презумпции в урегулировании общественных отношений (см.: Кругликов Л.Л. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления) / Л.Л. Кругликов, Ю.Г. Зуев. — Ярославль, 2000. — С. 18—19).

⁵ При этом предметное легальное выражение юридической презумпции в определенных пределах может быть уже или шире по содержанию породившей ее естественной презумпции (и соответствующей статистической закономерности). В первом указанном соотношении находятся, например, юридическая презумпция невиновности и так называемая презумпция добропорядочности. Второй тип соотношения характерен, например, для юридической и естественной презумпции знания закона.

⁶ См., например: Кладков А.В. Уголовная ответственность и ее основание // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. — М., 1996. — С. 75.

⁷ Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. — Воронеж, 1998. — С. 72.

решается по-разному, с учетом множества факторов¹. Однако одним из оснований установления рассматриваемых положений всегда являлась высоко обоснованная статистическая закономерность, отражающая непонимание малолетними характера и социальной природы совершаемых действий, которая в конкретных исторических реалиях выражалась и выражается соответствующими *общелогическими* презумпциями².

В то же время часть 3 статьи 20 УК РФ действительно содержит *юридическую* презумпцию — о том, что по достижении возраста уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо способно полностью осознавать характер и природу своих действий и руководить ими, пока не доказано обратное³. Данная презумпция является зеркальным отражением указанной выше статистической закономерности и полностью сохраняет структуру естественной презумпции в пределах своего действия. Формулу данной юридической презумпции мы можем представить так:

- I. Если (A) лицо достигло возраста (A₁) 14 или (A₂) 16 лет
и
 - II. Если (B) лицо не достигло 18 лет
и
 - III. Если не доказано, что
(C) Вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством
(неP) Лицо не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность
своих действий (бездействия) на момент совершения деяния
либо
(неS) Руководить ими на момент совершения деяния,
то
 - IV. (P) Лицо могло осознавать фактический характер и общественную опасность
своих действий (бездействия) на момент совершения деяния
и
 - (S) Руководить ими на момент совершения деяния
- $$(A \wedge B \wedge (\text{не доказано, что } (C = (\text{что не} P \vee \text{не} S)))) \rightarrow P \wedge S$$
- Упрощенно: $(A \wedge \text{не доказано, что не} P) \rightarrow P$

Использование понятия естественной презумпции и наложение ее типовой структуры на одноименные или близкие по механизму действия отраслевые категории позволяет выявить действительное содержание и значение последних, отделив презумпции от прочих когнитивных конструкций.

¹ Более подробно об этом см., например: Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1958. — С. 97—99; Павлов В.Г. Субъект преступления. — СПб., 2001. — С. 87—89. Более подробно о возрасте субъекта по дореволюционному законодательству и доктрине см., например: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: Лекции: В 2 т. — М., 1994. — Т. 1. — С. 155—164.

² Более подробно об основаниях установления возрастных границ субъекта преступления см., например: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: Лекции: В 2 т. — М., 1994. — Т. 1. — С. 156; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. А.И. Рарог. — М., 2004. — С. 33; Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1958. — С. 28—29, 96; Козаченко И.Я. Субъект преступления // Уголовное право России. Часть Общая: Учебник для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. — М., 2005. — С. 175; Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. — Душанбе, 1976. — С. 27; Швеков Г.В. Преемственность в праве. — М., 1983. — С. 42; Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. — М., 1947. — С. 192.

³ См., например: Кругликов Л.Л. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления) / Л.Л. Кругликов, Ю.Г. Зуев. — Ярославль, 2000. — С. 138—142.